

Чу Бовэнь и его сын — два сапога пара. Чу Бовэнь физически не мог украсть серебро, да и по воспоминаниям получалось, что Чу Яоцзу к учебе был совершенно неспособен, зато в академии вовсю ходила молва о его разгульной жизни с малых лет, просто в деревне об этом мало кто знал.

Стоило заговорить об обращении в суд, как Хэ Ланьхуа немного запаниковала. У нее действительно не было никаких доказательств того, что деньги украл Чу Нин, и в глубине души она даже подозревала, что ее собственный муж втайне проиграл их в азартные игры. Просто ею владела такая обида, что она решила выместить злость на Чу Нине. Она была всего лишь простой простолюдинкой и уж точно не смела судиться в официальном присутствии.

— Какой еще уездный суд? Это же просто семейное дело! Сами во всем разберемся, никуда идти не нужно, не стоит беспокоить уездного судью.

— Что такое? Бойтесь идти в суд, потому что понимаете: у вас нет доказательств, и вы тут устраиваете пустой скандал? — с сарказмом произнес Чжао Шуюй. — Вместо того чтобы цепляться к братишке Чу Нину, лучше бы расспросили своего славного сыночка. Спорим, это он втайне унес деньги из дома, чтобы шляться по веселым домам!

— Ты клеветешь! — взволнованно возразил Чу Яоцзу, искоса поглядывая на Чжао Шуюя и в то же время страшась его физической силы.

— Клевету я или нет, можно узнать, если отправить людей в уездный дом Ваньхуа и расспросить там обо всем. Знакомых соучеников, которым известна твоя страсть к злачным местам, наберется немало. Только вот что будет, если этот слух дойдет до учителя? Сможешь ли ты после этого продолжать учебу?

Окружающие, услышав уверенный тон Чжао Шуюя, принялись оживленно переговариваться.

— Неудивительно, что этот Чу Яоцзу уже трижды провалил экзамены на степень цюйжэня. Оказывается, все его мысли были лишь о подобных мерзких местах!

— Мой муж сам видел в уезде, как Чу Яоцзу околачивается у дома Ваньхуа. Я ведь уже упоминала об этом Хэ Ланьхуа, хотела, чтобы она приглядывала за сыном, а в ответ получила лишь трехэтажную брань: дескать, я завидую ее ученому сыну и не могу вынести чужого успеха.

— Выходит, то, о чем говорит ученый муж Чжао, — чистая правда.

— Тогда, судя по всему, эти деньги действительно украл Чу Яоцзу. Расходы на такие гулянки ведь немаленькие.

— С чего это ты взяла, что они немаленькие? Сам что ли хаживал? — стоящая позади своего

мужа тетушка мертвецкой хваткой вцепилась благоверному в ухо, и голос ее прозвучал зловеще.

— Смилуйся, жена! Я не ходил, правда не ходил! Да откуда у меня серебро на дом Ваньхуа, я просто понаслышке знаю! — принялся без конца умолять о пощаде мужчина.

.....

Слушая пересуды сельчан, Чу Бовэнь с мрачным лицом уставился на Чу Яоцзу. Как отец, он все же кое-что понимал в нравах собственного сына.

Под этим взглядом Чу Яоцзу занервничал, чувствуя себя крайне неуверенно.

— Яоцзу, это ты взял деньги из дома?

Чу Яоцзу тут же от всего откrestился:

— Конечно не я! Я не ходил в дом Ваньхуа! Отец, поверь мне, Чжао Шуюй просто оклеветал меня!

Чу Баочжу уже и сама догадалась, что серебро утащил ее старший брат, но, видя, как Чжао Шуюй из-за этой мелкой дряни Чу Нина упрямо стоит на своем, она испытывала еще большую жгучую зависть и злобу.

— Ученый муж Чжао, мой брат — образованный человек, изучающий каноны мудрецов, разве мог он опуститься до столь недостойного места?! Я знаю, что братишка Чу Нин спас вам жизнь, но нельзя же ради благодарности переворачивать все с ног на голову и клеветать на моего брата! Образованные люди больше всего дорожат своей репутацией, вы же хотите погубить моего брата! — всхлипывая, жалобно затянула Чжао Баочжу.

— Смешно! Вы, мать и дочь, голословно очернили репутацию меня и братишки Чу Нина. Разве вы сами не пытались погубить братишку Чу Нина? Братишка Чу Нин спас мне, Чжао Шуюю, жизнь, и отныне любое дело братишки Чу Нина — это мое дело! Если вы вздумаете выбивать из него признание силой, не обессудьте, я церемониться не стану! — веско произнес Чжао Шуюй.

Услышав эти слова, Чу Нин почувствовал, как участилось его сердцебиение, а глаза помимо воли приковались к Чжао Шуюю.

— Сказано верно, за спасение жизни нужно отплатить добром.

— Нинь-гэрер на наших глазах рос, он вовсе не из тех детей, что способны воровать и промышлять грязными делами. Напротив, Хэ Ланьхуа, ты ведь вечно к нему несправедлива! И

раз уж пропала такая крупная сумма серебра, давайте пойдем к старосте и во всем разберемся начистоту, либо отправимся к властям, пусть уездный судья рассудит. Нельзя же позволить вору остаться безнаказанным!

Услышав, что Чу Нина снова жестоко избили, Ван Чжан-ши рассердилась не на шутку. До чего же эта Хэ Ланьхуа оказалась безжалостной!

Едва староста Чжао появился неподалеку и услышал разговоры об обращении к властям, его брови тут же взлетели вверх: с чего это вдруг зашла речь о суде?

— Что здесь происходит? Вы, семейство Чу, опять за старое?

Заметив старосту, шедшего во главе целой толпы, Чу Бовэнь помрачнел пуще прежнего. Эта проклятая баба, вздумай она лупить Чу Нина, не могла хотя бы за закрытыми дверями это сделать? Развела тут балаган, только весь его позор на показ выставила.

— Да так, семейные дела. Моя баба говорит, что серебро в доме украл Чу Нин, вот она и решила его расспросить. Никак не ожидали, что все зайдет так далеко, не стоит утруждать старосту.

— Тьфу! Разве так расспросят, что ребенка до полусмерти избивают? Какая же семья вот так вот детей допрашивает? — не выдержала одна из тетушек и заступилась за мальчика.

— Староста, эта Хэ Ланьхуа на каждом шагу чернит репутацию Нинь-гэрера. Если это расплзется по округе, как потом девушкам и малым ребятам из нашей деревжи замуж выходить?

— И то верно, дело-то серьезное.

Завидев старосту, Чу Нин шатающейся походкой подошел к нему, с глухим стуком опустился на колени и, вскинув распухшее заплаканное лицо, взмолился о защите.

— Староста, умоляю, рассудите меня! Все эти годы матушка старшего дядюшки была меня без разбору, и ради того, чтобы выжить, я всё терпел. Но сегодня она посмела на глазах у стольких людей оклеветать меня в краже денег и распутном поведении, она же хочет сжить меня со света! Умоляю, спасите меня, я действительно ничего не крал и уж тем более ни в чем подобном не замешан! Старшая тетушка просто хочет заставить меня свести счеты с жизнью!

Староста прекрасно знал, какой собачьей жизни претерпел бедный мальчик Чу Нин. Однако Чу Бовэнь усыновил его с согласия старейшин рода Чу, а чужие семейные дела — есть чужие, и даже он, староста деревни Зеленые Холмы, не имел права в них вмешиваться.

В свое время он даже обращался к старейшинам клана, чтобы те вразумили Чу Бовэня и не

доводили дело до крайности, но старейшины палец о палец не ударили, и он тоже ничего не мог поделать. Кто бы знал, что сегодня Хэ Ланьхуа снова затеет смуту.

— Семья Чу, то, что говорит Нинь-гэрер, — правда? — сурово осведомился староста Чжао. Если бы из-за этого пострадала репутация деревни Зеленые Холмы, он бы первый этого не стерпел.

Вопрос старосты заставил Хэ Ланьхуа слегка смутиться, но она все же уперлась на своем, продолжая твердить, что двадцать лянов серебра украл именно Чу Нин.

— Я не лгу! Наша Баочжу сказала, что вчера в доме не было чужих, только Чу Нин заходил в мою спальню, а после этого серебро исчезло. Место, где я прячу деньги, надежно скрыто, он наверняка украдкой подсмотрел за мной и утащил их, пока меня не было дома!

— Я ничего не брал! Я понятия не имею, куда старшая тетушка прячет серебро! Вчера Баочжу сама попросила меня занести выстиранную и высушенную одежду к ней в спальню. Я положил вещи на стол и сразу вышел.

— Ты наверняка спер их именно тогда! — наотмашь бросила Чу Баочжу.

— У вас нет никаких доказательств, это чистой воды клевета! — с гневом запротестовал наблюдавший со стороны Чжао Юнь.

Зоркий глаз Чжао Шуюя подметил, как Чу Яоцзу попятился назад, явно пытаясь сбежать. Шагнув вперед, он в два счета схватил его за загривок и рывком оттащил назад:

— Разбор еще не закончен, куда это молодой господин Чу намылился сбежать? Вы ведь тоже находитесь в числе подозреваемых в краже серебра!

— Ах! Чжао Шуюй, отпусти меня, отпусти! Что за бессовестное поведение, просто позор ученым манерам! — Чу Яоцзу чувствовал, что рука Чжао Шуюя, вцепившаяся ему в затылок, обладает жуткой силой, отчего шея начала невыносимо болеть.

— Чжао Шуюй, да как ты смеешь трогать моего сына! Негодяй, немедленно отпусти моего сына, я с тобой насмерть сойду! — завидя, что ее сыночка скрутили, Хэ Ланьхуа обезумела от ярости и, опустив голову, бросилась на Чжао Шуюя.

Тот с легкостью увернулся и ударил Чу Яоцзу ногой под колено, отчего парень от боли рухнул на одно колено.

— Чжао Шуюй, ты занимаешься самоуправством! Это противозаконно, я пойду на тебя жаловаться!

— Можешь жаловаться куда угодно, но сперва тебе придется четко и ясно объяснить: не твоих ли рук дело эта кража серебра?

— У тебя вовсе нет доказательств, это наговор! — разъяренно взвизгнул Чу Яоцзу.

— Ха! Ты и сам знаешь, что отсутствие доказательств означает клевету? А то, как твоя матушка обошлась с Чу Нином, — разве не клевета? — холодно усмехнулся Чжао Шуюй и быстрым движением пальцев надавил на несколько точек на теле Чу Яоцзу.

<http://bllate.org/book/22441/2357836>